

**ЭНГЕЛЬС
О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРЕ**

**Переписка
Энгельса
с Минной Каутской**

**Предисловие
ИНСТИТУТА
МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА**

**Комментарии
Ф. ШИЛЛЕРА**

Печатаемое ниже письмо Энгельса адресовано матери Карла Каутского, немецкой писательнице Минне Каутской, известной в 80-х и 90-х годах своими романами на социальные темы. Письмо Энгельса написано в связи с получением им от Каутской экземпляра ее романа «Старые и новые». Печатается по фотокопии, хранящейся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина

Лондон, 26 ноября 1885 г.

Дорогая г-жа Каутская!

(Разрешите мне это вольное обращение; таким людям, как мы с вами, не к лицу жеманство.) Прежде всего сердечно вам благодарен за дружескую память обо мне. Я очень жалею, что наша здешняя встреча продолжалась так недолго. Уверю вас, что мне было бесконечно приятно познакомиться с немецкой писательницей, которая не перестала быть обыкновенной женщиной: я ведь имел несчастье знать лишь аффектированных «образованных» берлинок, которых только потому не хотелось вернуть на кухню, что они в конце концов наделали бы суповой ложкой еще больше вреда, чем пером.

Итак я надеюсь, что в недалеком будущем вы снова пересечете канал, и мы с вами опять побродим по Лондону и его окрестностям, рассказывая друг другу всякую всячину, чтобы наша беседа не стала уж чересчур серьезной. Я охотно верю, что Лондон вам не понравился, — со мною когда-то было то же самое. К его сумрачному небу и сумрачным по большей части людям, к замкнутости и классовой разобщенности в общественной жизни, к жизни в закрытых помещениях, как того требуют климатические условия, привыкаешь с трудом. Надо сначала несколь-

ко обуздать принесенную с собой с континента жизненную энергию, понизить барометр жизнерадостности примерно с 760 до 750 миллиметров, чтобы постепенно втянуться во все это. А когда понемногу свыкнешься с окружающим, начинаешь находить в нем и положительные стороны и видишь, что люди здесь в общем прямее и надежнее, чем где-либо, что ни один город не приспособлен для научных занятий более, чем Лондон, и что отсутствие полицейских придирок окупает многое. Я знаю и люблю Париж, но если бы мне пришлось выбирать, то для постоянной жизни я предпочел бы Лондон. Чтобы всецело наслаждаться парижской жизнью, нужно самому стать парижанином со всеми его предрассудками, с его интересом в первую очередь к чисто парижским делам, с его привычкой верить, что Париж — пуп земли, начало и конец вселенной. Лондон не так красив, как Париж, но зато он величественнее, это — настоящий центр мировой торговли, и к тому же он гораздо разнообразнее. Лондон допускает далее полную независимость от всего окружающего, столь необходимую для научной и даже художественной беспристрастности. О Париже и Вене мечтают, Берлин ненавидят, к Лондону испытывают нейтральное чувство равнодушия и объективности. Это тоже чего-нибудь да стоит.

Кстати о Берлине. Я рад, что этой злосчастной дыре удастся наконец стать мировым городом. Но Рахиль Варнгаген сказала еще 70 лет назад: в Берлине все убого, и Берлин хочет по-видимому показать миру, до какой степени убогим может быть мировой город. Отравите всех образованных берлинцев и создайте там чудом хотя бы сносную обстановку, перестройте весь город снизу доверху, тогда быть может и выйдет что-нибудь приличное. Но куда там говорят на этом диалекте, вряд ли это удастся.

«Старые и новые», за которые я вам сердечно благодарен, я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане». Картины венского общества большей частью тоже очень хороши. Вена ведь единственный немецкий город, где есть общество. В Берлине имеются только «известные круги», а еще больше неизвестные, и поэтому там есть почва только для романа из жизни литераторов, чиновников и актеров. Не развивается ли мотивировка действия

В этой части вашего произведения местами несколько поспешно, — вам судить легче, чем мне. Многое, что производит на нашего брата такое впечатление, в Вене с ее своеобразно интернациональным характером, насыщенным южными и восточноевропейскими элементами, является вполне естественным. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для вас четкостью индивидуализации. Каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, — «этот», как сказал бы старик Гегель. Так оно и должно быть. Однако беспристрастия ради я должен найти что-нибудь отрицательное, и тут мне приходит на память Арнольд. В самом деле, он чересчур безупречен, и если он в конце концов погибает, упав с горы, то примирить это с поэтической справедливостью можно разве лишь тем, что он был слишком хорош для этого мира. Но всегда скверно, если автор влюблен в своего героя, и мне кажется, что в данном случае вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще носит на себе черты личности, хотя тоже несколько идеализирована, но в Арнольде личность уж и вовсе растворяется в принципе.

Корни этого недостатка чувствуются впрочем в самом романе. Очевидно вы испытывали потребность публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме вам нечего повторять об этом. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, и точно так же Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера в том и состоит, что это первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна вытекать из положения и действия сама по себе, без особых на то указаний и что писатель не обязан навязывать читателю будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов. К тому же в наших условиях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не относящихся прямо к нам, кругов, а поэтому и социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, добросовестно описывая реаль-

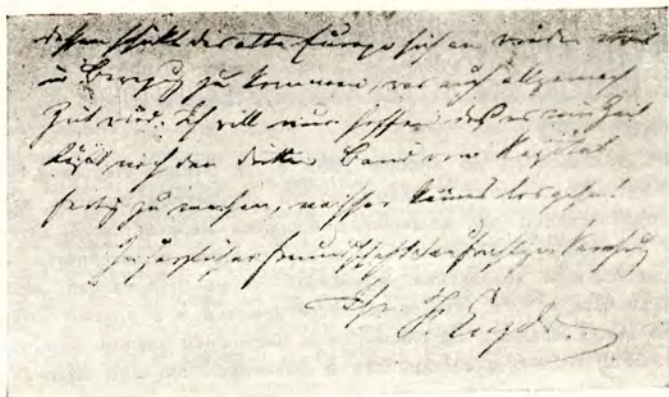
... das geistliche Verhältniß mir vorzuziehen
indem man aber sagt: es war jedoch für die Freiheit
Es ist aber immer möglich wenn der Krieger für
seinen eigenen Willen steht, auch in diesem
Krieg. Hierin ist man für einen neuen Schritt
zu sein. Die Erde ist nun eine gewisse geistliche Freiheit
von der man sich trennen, aber die Freiheit geht die
Körper nunmehr in der Freiheit auf.

Der Körper Krieger und Soldat, sieht man
aber auch den Roman selbst. Es war nun
offenbar die Freiheit in diesem Krieg offenbar für die
zu gewinnen, jedoch ist abgesehen von dem Welt von
der Freiheit. Das ist nun möglich, das ist die
Freiheit ist nicht befreit ist in diesem Roman nicht zu
verstehen. Es ist die Freiheit ist die Freiheit
von der man sich trennen, aber die Freiheit geht die
Körper nunmehr in der Freiheit auf.

Das ist die Freiheit ist die Freiheit ist die Freiheit
von der man sich trennen, aber die Freiheit geht die
Körper nunmehr in der Freiheit auf.

СТРАНИЦА ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА
К МИННЕ КАУТСКОЙ
ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г.

С фотокопии,
хранящейся в Институте
Маркса-Энгельса-Ленина

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ПИСЬМА
ЭНГЕЛЬСА К МИННЕ КАУТСКОЙ
ОТ 26 НОЯБРЯ 1885 г.

С фотокопии,
хранящейся в Институте
Маркса-Энгельса-Ленина

ные взаимоотношения, разрушая условные иллюзии на их счет, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнение в вечном господстве существующего порядка, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону. Ваше прекрасное знание как австрийского крестьянства, так и венского «общества» и удивительная свежесть изображения того и другого найдет здесь для себя неисчерпаемый материал. А в «Стефане» вы доказали, что умеете относиться к своим героям и с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением.

Но спешу кончить, чтобы не слишком вам наскучить. У нас все по-старому. Карл [Каутский] с женой изучают физиологию на вечерних курсах Эвелинга и вообще прилежно работают; я тоже весь ушел в работу; Ленхен, Пумс и ее муж идут сегодня вечером в театр смотреть сенсационную пьесу, а тем временем старая Европа снова собирается притти в движение, — да и пора. Хочу только надеяться, что она даст мне закончить третий том «Капитала», а там — в добрый час.

С сердечным дружеским приветом и искренним уважением

Ваш Ф. Энгельс.